

Высокая месса Великим постом

Различия образного устройства православной литургии и католической мессы - впечатления от услышанного.

Мы не станем претендовать на какие-либо глубокие, профессионально выверенные исследования, но выговорим в жанре художественного своеволия очерка только самые общие и глубоко личные впечатления, суждения, последствия чувственного восприятия мессы, прикоснувшегося к малому опыту проживания молитвенного хода Богослужений Великого поста православного чинопоследования. Пережито, осознано – совершенно, совершенно не «во благовремении» - это от-влечение от Единого на потребу, увлечение в былую юношескую страсть - к Высокой мессе Баха, той дивной, блистательной, восхитительной музыке, способной и захватить, и поглотить человека со всем его вниманием, силами души в духовном неосторожном шатании, в неосмотрительной доверчивости, в наивной расслабленной податливости померкнувшего духа, ищущего ощущений... Мессы Баха, способной тронуть и утешить душу, истомившуюся пустыми и глумливыми насмешками пост-модерна, тотальным, безоглядным и без-предельным торжествованием шума и без-образия в нём... Мессы Баха, способной успокоить высокой гармонией звука исстрадавшийся ум, мечущийся в безразличии и неприкаянности обез-Боженного естества своего... «Блаженны не видевшие, но уверовавшие» - своевольно перефразируем теперь и для себя - эту сентенцию Спасителя: «блаженны не слышавшие...» - и это самое общее из вынесенного благодарного переживания и отошедшего, истаявшего послевкусия музыкальных впечатлений. Сколь же отлично это ощущение от того, что испытываем мы, - говорю о себе только, исключительно о себе, не претендуя на нечто большее, на нечто общее, - сколь отлично от того, что испытываем мы, испытываю - я, лишь только приближаясь ко

глубинам православного Богослужения, или хотя бы робко - приныкая к нему самой отдалённой периферией своего естества.

Человека, члена церкви, самого последнего, но верного, проникающего в образную структуру, в образный космизм православия, - впускает в себя и всецело объёмлет пространство литургии, живущей образами и вникающей к нам, в нас - через образы - откровением таинства взаимного познания Бога и человека, взаимного и спасительного проникновения твари и Творца. Литургия, впускающая нас в свою общность, делает человека частью самой себя, литургии, окружает и проникает во все человеческие естественные чувства, во все составы, в самую жизненную утробу - и вникает в живущего человека и в Церковную соборность - Живой Бог, Христос и Спаситель, как Вершина и Цель Богослужбного общего делания отдельного человека и делания общецерковного. Образы музыкальные, образы звуковые, осязательные, обонятельные, образы вкуса, образы зрительные со-общены меж собою в единое и нераздельное литургическое образное целое и объёмлют все чувственные свойства человека, приуготовливают его ко встрече с Господом, пролагают деятельный путь к этой встрече... литургическое много-образие принимает человека и воздействует всею полнотой про-являющего Себя Первообраза - на человека, пребывающего внутри православной литургии, составляющего неотъемлемую часть её. За каждым из этих многих образов - для каждого их чувствилищ человека - Первообраз, Сам Бог, открывающий, про-являющий Себя по Своему произволению проявить Ся, по мере возможность и желания в человеке - воспринять проявляющего Себя Бога - и откликаются Ему восприимчивые человеческие чувства. «Блаженны не видевшие»... но литургиею - осязаем видимое, созерцаем обоняемое... чувствуем и осознаём, молитвенно со-проводжаем ко Господу возносимую свечу, ощущаем тепло свечного воска и радуемся его благоуханию, проникаемся горячностью и светом малого пламенного языка... осязаем устами тёплую поверхность иконы... чувствуем близость и тепло щеки ближнего... осязаем Самого Христа во причастии Ему, - осязаем внятно, уверительно, - удерживаем воспринятое таинство внутри себя... Вкус Плоти и Крови Христовой на устах, принимающих Спасителя, на языке нашем, на самой гортани, впускающей Бога во утробу, в течения и стремнины кровяных потоков. Благодарно молим вникшего в нас Христа о действенном исцелении от скверны, об отгнании сопротивного, о просвещении очей и сердца, о умножении нелицемерной любви в нас... Зрение. Довольно и пространно сказано об открывающемся перед нами образе в монументальном устройении храма, в образной совокупности изображений и в каждой отдельной иконе, в каждом видимом нами нюансе и знаке литургического действования... в каждом образе Господнем, во-человеченном - в ближних вокруг. Обоняем каждение Богови - обоняем благоухание ладана, соединяющееся с дыханием живых цветов и воска... Царствующее за общим деланием слово - торжественно из-носится из уст про-возглашающего и чтущего к разумению многих, истекает из много-гласия торжественных антифонов - лишённое всяческих несущих его со-звучий, без довлеющих пре-крас, собственно слово на лёгких волнах степенного и чинного молитвенного ритма общей образной гармонии - находит путь к вос-приемлющему сердцу и к разуму, не ищущему блистательной мусикии - путь к отзывчивому уразумению произнесённого. Про-изнесённое и услышанное знакомое слово пробуждает отклик в отзывчивых сердцах, шевелится на устах безмолвно внемлющих ему. Общая гармония Богослужения, чинный его ритм и единое многоустное дыхание

составляют как бы некую "несущую частоту" высказываемому и торжествующему в общем служении слову, не подавляя его, не затмевая, не затеняя значений... Всяческое увлечение этой гармонией, увлечённость красотой произносимости в ущерб возможности расслышать слово – воспринимается, как личное мучение и досадная утрата, как недопустимая лакуна в литургии. Но живёт литургическое слово и помимо нашей рассеянной невосприимчивости, невнимательности ему, помимо Богослужбных «огрехов», даже утаённое от слышания тишиною за-амвонных молитв, – прорастает в совершающемся перед нами и в нас. Внятное слово отыскивает либо пролагает пути к проникновению ко внемлющим и молящимся, касается самых неведомых и молчаливых душевных струн и наполняет сердца, а от избытка образующейся полноты - востекает общим со-гласным, со-устным - единими усты из единого сердца - молитво-стловием в общем чинопоследовании литургического служения. Слово - самый значимый, самый проникновенный, самый желанный и, вместе с тем, самый ранимый образ Богослужения. Слово про-изнесённое восходит непосредственно к Перво - образу - Логосу Бога Слова. Слово про-изнесённое - вникает непосредственно в образ человеческого естества и Богоподобия.

За каждым из образов, за каждым молитвенным словом - Сам Бог. Вокруг человека, погружённого в образ, вокруг во-ображённого человека - Первообраз - Бог. Человек, воспринимающий Бога - изнутри образного пространства литургии - воспринимает Его, но собственно восприятие, собственно со-прикосновение с Богом, взаимное проникновение, собственно – причащение Господа - уже не нуждается в образе, - здесь образ уже исчерпывает себя, исполнив заданное... Словно бы, отходит Вергилий на пороге райских врат, возведя к ним. Таинство со-причастности Бога и человека пре - одолевает, пре-вышает всяческую образность... Вне-образно живое приникание, сочетание, живое проникновение, узнавание и взаимное познание жизни текущей и Жизни Вечной. Не-из-образимо и превыше образа - совершающееся единение, вос-соединение людей меж собою в единую Церковь, содержащую Бога, содержащую Богом... Таково образное окружение таинства единения творения и Творца. Такова образность и её высокое увенчание, вне-образное за-вершение в православном литургическом чинопоследовании.

Иное, не-во-образимо – иное, съёживаясь от наслаждения, от вос-торжения звуками, от сожаления и томления осязаемым - почувствовали нынче на концертном воспроизведении Высокой мессы. Станем ли сожалеть о произошедшем в нас по нашему свободному произволению. Препятствует ли произошедшее течению Великого поста, уводит ли в страну далече от его цели... от Пасхи Христовой - в смутные омуты наших чувствований и музыкальных ласканий души. Сможем ли разобраться в этом сожалении, в этом восторге и удовлетворении, веющем тоскою и холодом пустоты... прости, мастер Иоганн!.. - обманным блистанием – от одной из высот музыкального образотворчества в благоговеющих человеках. Быть может, и не достигало высших небес человеческое образотворчество в компонировании звуков... уже ли небес – духовных, о которых свидетельствовал нам апостол. Какова природа этих высот музыки – станем ли рассуждать о том. Быть может, компонировались эти созвучия преславным Иоганном Себастьяном во славу Божью, во славу Христа... быть может, более того, почти не сомневаемся в том теперь. Сравнимы ли, однако, пространства восприятия образа и

Христа в нём, открывшиеся перед нами. Иное, слишком отличное от православия - чувствуем здесь, в обволакивающем пространстве мелоса... иное настолько, что впору спросить себя: объединены ли мы с мастером Иоганном и его церковью, едины ли с ним во Христе пережитым звучанием гармоний... объединены ли превыше церковных стен музыкальными сферами в некое общее христианство, пространством образного искусства в столь тонких и высоких не вещественных средах - объединены ли мы пред Господом, - так, - уместно ли? своевременно ли? - вопрошаем себя Великим постом, проникаясь образным звучанием Высокой мессы.

Накатывали и отступали, и накатывали вновь, погружая в себя, музыкальные волны – зыби, блестящие ряби, могучие валы католического Богослужения... несущие в себе слова литургических молитв, столь известные, столь проникновенно привычные... на чуждом языке, в незнакомом чинопоследовании. И после своего истечения, много позже «благорастворения воздухов» мессы в акустическом поле концертного зала – музыка ещё шевелится в памяти, в теплоте сердечной, обласкивает и воз-буждает душу, не оставляет её. Прислушиваюсь к этому шевелению, пытаюсь распознать в нём голос Спасителя моего... и не распознаю... увы. И не к Нему внутреннее движение чувств, пробудившихся в самих себе... и раз-общённых со всем внешним... раз-общённых со Христом и удовлетворённых в этом раз-общении. Словно бы ярким возмещением утраты Христа – музыка... словно бы утешением в разделённости с Ним – звуки... И обезсиливает услышанное в ней слово о Спасителе, меркнет, растворяется в небытии с этим звучанием, оставляя лишь смутное трепетание во взволнованной сердечной глубине. Исчерпано ли слово, подменен ли смысл в колыбели этих проникновенных звуков. Шевелится звук в сердце... и немощно, и невесомо, не естественно, выпрессованное обезславленное слово в этом звучании, вторично и вовсе не нужно уже именно единственно – это, озвученное слово литургических молитв. Будто ряжено слово в чуждые ему, не-со-образные, пусть и величественные, сиятельно благоукрашенные облачения... словно бы с чужого, - чуждого? – плеча. Музыка ли для слова – подъемлющее веяние из вне-временного звучания сфер. Или, напротив того, - многосложный чувственный вихрь, затмевающий, разметающий смыслы преизбыточно звучащих слов. Озвученная слышанием тварь – я сам – остаюсь без-словесным и удовлетворённым в этом озвучивании, об-радованным в этой без-словесности, оправданным в самом себе... жалкий, угодливый, неисходно печальный, без-надежный и пре-исполненный музыкою - вне моего Христа. Окраденный звуками и удовлетворённый в том... Чувствую так. И вскоре – обрету утверждение этим чувствам, ободрение в них, прочитывая молитвословие ко причащению, вникая в смысл прочитываемого и откликающегося так живо в нынешних неотступных впечатлениях... «...да не обрет мя Твоя благодати прелестник, восхитив мя лъстивне, и прельстив, отведет благотворящих Твоих словес. Сего ради к тебе припадаю и тепле вопию Ти:... прими мя блудного и скверного, Щедре...» Конечно же, не о мессе Высокой вопиял святой Симеон. Но вопль отца сколь ободрительно отозвался вскоре мне, заблудшему в звуках и прельстившемуся, и отведённому звучанием от благо-творящих слов Господних.

Вне православия и вне Христа – можем ли чувствовать иначе, можем ли иначе разуметь, рассуждая о самом главном, о Спасителе своём и личном к нему предстоянии... Ведь, действительно, особенно достоин сожаления человек, словно бы иссушенная и распластанная по земле ветошь, некогда полная жизни, ежели было, что, вернее – Кого –

потерять в себе, если было, Кого позабыть, хоть на миг един, утратить, покрывая и расцветивая горькую пустыню утрат - музыкальной формой. Вот же – живёт эта «форма», эта гармония в сердце и сладко шевелит его, опустелое... надмевает причастностью к этим звукам, утешает и обласкивает в пустоте, которую не наполнить жизнью живой... и теплее, разогревается сердце этим надмением. Ты – это – ты – действительно и радостно воспринял филигранную, много-гранную, пре-краснейшую чашу, вос-ставленную пред тобой... но нет в ней ни Вина, ни Хлеба, - лишь восхитительная филигрань контрапункта, мучительного, ласкающего, расшевеливающего, вовлекающего в свои чеканные пути... и обманного.

В послевкусии Agnus Dei не ощутим Христа воспринятого...и из-ображённого звучанием, - был ли Он там когда-то? В этом внезапном понимании – отнюдь не посещение вразумления Господнего. Не усмешка ли мастера, кантора Иоганна – свидетельствует о себе так. Пленена душа звуками, оплетена ими – и врастают вглубь человеческого естества эти гласы, и расшевеливают не наполняя, не утоляя, даже не указуя на то место, где мы могли бы познать утоление, ни на познающий орган в нас. Неужто источник утолительный - это сам кантор Иоганн, про-изведший мессу на свой возвышенный вкус и собственно - про-изведения его – источники нашего утоления. И радостна ли тварь – я сам, погружённый, спелёнатый, убаюканный во глубине этой завораживающей, раззадоривающей поли-фонии, - радостен ли, утолён ли, насыщен ли звучанием во глубинах сокровенной духовной своей утробы. Умолкает внутри себя человек, утешается восприняв внутрь своего естества хитросплетения привнесённой гармонии... и нечего про-изнести из себя человеку, восторженному перед мастером и немолчующему перед своим Творцом... нечего про-изнести, одни только всплескания разгорячённых ладоней – жарким откликом воспринятому.

Уже ли так: в пору великопостных противостояний – забрёл в неразумии чахлого духа на поле, не то, что противное поприщу моему... не приятельствующее мне, нынешнему, не принимающее меня и не приемлемое мною, - проник в области отчуждённые теперь... И – проживая музыкальное послевкусие от услышанного, всё более наполняюсь сожалением и горечью сердечной, всё более проявляется из глубины - досада временного от-влечения и от-чуждения от Христа. Обманываюсь ли, придумываю ли себе это отчуждение в пережитом - добровольном - пленении звуками.

Удивительно устройство пространного, огромного музыкального произведения, наделяющего звучанием возносимое ко Господу слово молитвы, обрамлённое соцветиями со-гласных много-голосий, звуками диковинной полифонии вышколенных человеческих голосов и одушевлённых инструментов. Всё это много-гласие обращено к уединённому человеческому естеству, направлено в глубины человеческих сердец, впускающих в себя звуки. Музыкальные инструменты: гласящие трубы, пульсирующие акценты литавр, ласкающие и умиротворяющие флейты и гобои, настораживающие фаготы, обволакивающий, гармонизирующий, организующий пространство и царствующий в нём - орган... Внятно и действенно - трудятся над твоим восприимчивым, воспринимающим сердцем, умягчая, размягчая его, словно бы некий комок засыхающей глины. Сердечная мышца души словно бы остывший пластилин - размягчается, становится податливой под тёплой и трудолюбивой рукой мастера в горячем, порою огненном и

искращемся, порою ламинарно - ласкательном дыхании Высокой мессы. Размягчается душа и приготавливается к вос-приятию слова, образа, к вос-приятию Бога.

И вот над нами и вокруг - *Kyrie eleison* Возможно ли сравнить глубины и небесные высоты Иисусовой молитвы, моление о милости, о со-причастности Богу, о уделении Богом Своей части – нам, недостойным... с *Kyrie eleison*, исполняемой хором на усыпляющих и восторгающих волнах укачивающей, убаюкивающей флейты... на волнах, генерируемых пассами дирижёра. Может ли это музыкальное действо хоть как бы то сравниться с лестницей - молитвенной лестовкой, перебираемой перстами сосредоточенного человека, устранившего себя от всяческой образности и погружающего свой ум во глубины сердца вместе со словами имени Господнего. Отстраняет себя молящийся от всяческих чувственных помех, подмен и духовных сублимаций... Удивительно со-гласна личная Иисусова молитва за общим православным Богослужением с чинным неразвлекаемым хоровым пропеванием её... может ли это быть сравнимо и сопоставлено хоть бы очень от-далённо православное «Господи, помилуй» с *Kyrie eleison* Высокой мессы... в которой ощущаю (о себе говорю, только о себе самом!) отнюдь не высоты, но разобщающие и одно-образные проявления умягчающегося злого сердца, от-странённого от Христа.

За каждой из крупных форм - частей *Credo* - малая молитвенная фраза - член Символа веры, знакомого всяким православным, как Отче наш - знакомого досконально и регулярно чтимого за ежедневным правилом, за общим Богослужением. Каждый член Символа – вымоленный и выверенный молитвенный стих, уверительное свидетельство - возгласие, - причудливо изукрашен звуками мессы и расцвечен замысловато. Расслышим ли в этом многоцветии малую толику филиокве или в полноте многозвучия вовсе не предадим значения таковой «несущественности» Великой Схизмы, опустим как незначительные и мешающие торжестванию звука всяческие претензии на истину «единого аза». Вторично слово – и великолепно – торжественно над ним – звук.

Benedictus – благословен... И сколь обширно, сколь много-фразно, много-сложно, много-звучно музыкальное пылание вокруг этого значения, вокруг этого словесного знаменования: благословен - *Benedictus*! Благостно благое благо-словляющее нас Слово, со-причитающее нас к Единому и благому Господу, о-словесенные – благо-словенные – приготавливаемся Им и восприемлем Его, вос-приемлем Бога Слово и благо-словим Его... Со-звучен ли этому настороженный и величавый, строгий *Benedictus*, утаивающий смыслы своим звучанием. Можно ли сказать так, что месса звучит вне целостного литургического образа, само-стоятельно, не со-образно литургии, что воздействует она более на слух наш, на чувство звука, на душевную нашу восприимчивость - более, чем на разум, жаждущий единения со Христом и если не в совершенной от-делённости от прочих чувствующих свойств нашего естества, то не в связи с литургическим вос-соединением их. Полагаем, что такое утверждение будет верным. Слух и чувства - воз-буждаются в *Benedictus*, - голосом и обрамляющим его неспешным выверенным звучанием. Благо-словен, - соответствует ли значение слова этому музыкальному о-звученному образному посланию, - этому многомудрому, много-гранному, много-гармоничному, сверх-гармоническому оформлению и про-явлению молитвенного восклицания, обрамляющего, о-формляющего наши чувства... Соответствуют ли чувства наши и молитвенные ощущения, жажда нашего выражения - со-отвечает ли этому её о-

блачению в звук. Гармонии, назидательные чувства - управляют ими, направляют их в сторону своей образности, от-странённой от литургии.

Каков звуковой образ в *Benedictus*, *Crucifixus*, в *Agnus Dei*. Дивные, гармоничные звуки, вне-литургически, во-влекают нас в своё истечение, в свои стремнины и ламинарные, и взвихренные переливы, выпренинные перекаты... увлекают всецело, во-влекают в самих себя нас, умягчённых, расслабленных, за-ворожённых - улаживают и возбуждают, и обласкивают наше сочувствие им... и выносят за пределы, за области, которые хоть как-то связаны со значениями слов: Агнец Божий, (*Agnus Dei*), Благословен (*Benedictus*)... Распятый на кресте (*Crucifixus*)... - буквально, "зафиксированный" на Кресте, - вот так иссушающе и удушливо бесчувственен, без-жалостен корневой смысл "fixus", озвученный филигранной мусикиею. Рождает ли жалость, со-чувствование, молитвенное со-участие и со-страдание Распятому Христу - восприятие этой дивной музыки, этой восхитительной полифоничной гармонии *Crucifixus*. Близка ли таковая гармония Самому Распинаемому и погибающему на Кресте истерзанному и униженному Богу. Близка ли хоть как-нибудь эта гармония - космическому со-страданию природы к Распятому - со-звучна ли со-образна ли ужасу Страстной Пятницы и Голгофы, омытой Кровью Спасителя моего, камню потрясённому и треснувшему до глубины костей адовых - расколовшемуся под Крестом от со - трясения произошедшим. Жертва Христа. Высшая точка напряжения в страданиях убиваемого на кресте Бога - предел теодицеи, оправдания Бога перед убивающими Его людьми... - со-звучно это ли гармонии скорбно и строго - мечтательной, меланхолично - чувственной и трепетно - сентиментальной музыкальной части - *Crucifixus*. Не воспримем ли - всяческую гармоническую окрашенность, всяческое улаживательное любование звуками в этом "fixus", как недопустимое глумление и кощунственное само-забвение перед изображаемым в звуках. Куда как точнее здесь и со-гласнее православное: «да молчит всякая плоть человеческая...», - да молчит и да не помышляет ничесоме пред свершающимся на наших глазах - событием - да не пре-образует, не силится исчерпать его звуком своим... да не дерзнёт от себя - сублимировать произошедшее про-явлением личного творческого художественного экстаза.

И, вместе с тем, вспомним православный образ Распятия, в котором снят всяческий образный символический акцент страдательности, кроме со-страдания Самого Распятого - к предстоящим людям, кроме собственно иконописной теодицеи - предельной до смерти - распахнутой к нам с небесной высоты Креста - любви Господней. Образ Распятия - духоносен и крылато распростёрт пред нами, «умолкнувшими», над нами, безмолвствующими у Креста. Образно - воз-носит нас Собою Распятый Бог на крыльях Своего Крестного объятия. Возделывает со-страдание и молитвенное проникновенное прошение, упование на Воскресение Господа - слово страстных евангелий на Страстной. И улаживательно - упокаивает великолепнейший *Cruci-fixus*, восторгает от-страняет собою от Распятия окружает и наполняет благо-душным и прелюбодейным радованием о звуке, о поли-фонии, слезоточивый и чувственный - вблизи Голгофы с Распятым Христом.

Близка ли эта гармония, со-образна ли Перво-образу. Бог ли - за слышимой нами музыкальной формой... или только лишь сам Бах. Помышляет ли кантор, вос-ставивший себя вне времён, - о Христе, со-чиняя свои полифонии... - вновь помыслим об этом... сие останется на совести единственно лишь Иоганна Себастьяна и во глубинах всеведения

Господнего – Бог ведает сердце мастера, истоки его помышлений, истоки его музыкального образо-творения. В очах Господних – явленна, про-яснена - личность мастера и мне ли, грешному, домогаться ведений о ней. Но куда важнее и значимее иное: насколько подвигает нас, лично меня, это со-звучие к вос-приятию Бога, насколько не замыкает в самой себе мою душу, внемлющую звукам, приникающую к ним, выпускающую их, вникающую в звучание... насколько не вовлекает меня, слушающего - в это смятенное разгорячённое и разнеженное состояние любования красотой звучаний, удалённых от Христа. Где, собственно, Сам Бог в этой буйствующей Осанне. Где Господь в этом Sanctus... - в возгласии святости. Не расслышим ли в этой удивительной полифонии возгласия поющих и уже уготовленных к тому, чтобы распять Его... Долой страхи, долой подозрительность, не обоснованную ничем в гармоническом звучании... но так со-звучно, так со-образно, так - видится Баху торжество ликования пред Господом. Так ли видит это торжество православный христианин, ликовствующий и возносящий свою "осанну в вышних" с ветвями вай перед своим Христом... Сколько здесь нас, единосердечных, единоустных, единогласно - ликующих много - ликим, во-церковлённым, со-единённым, со-страдательным, со-действенным Христу ликованием.

Уже ли просто так, по некоему недоумению и в силу «отсталой» от духовных инноваций схизматической традиции не допустимы звуки инструментов в ходе православного Богослужения... уже ли допустимо и естественно это доминирование за Богослужением одного из чувств, безмерное надмение и разгорячение звуком сердечной глубины, не кощунственно ли само воз-буждение звуками, не ведущее к Первообразу. Что нам укажет на то, что Первообраз у этого звучания не Бах, но Сам Господь... Является ли проникновение Бога, причащение Его - естественным продолжением этого образного звукового разгорячения и услады... не будет само причащение Бога в финале таковой мессы - чем - то неподобным, сродни причащению утробой, доверху наполненной усладительными яствами... Возможно ли услаждённому звуками и насыщенному ими, удовлетворённому и разнеженному полифониею - воскликнуть из глубины сердечной личное мытарево моление: Боже, милостив буди мне, грешному... личное крестное разбойничье стенание: помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем... - дабы услышать, предстоя причащению самой глубиной покаянных своих утроб: днесь со Мною будеши в Раи... Если только личная практика - критерий истинности подобного понимания, подобного ощущения... тогда мы остаёмся и замыкаемся со своими суждениями внутри себя и не смеем свидетельствовать о них никому, поскольку практика личная касается только и исключительно - лично меня. Но не благословляет и церковь этих звучаний за служением Богу. Существовал орган в Византии... но не за литургией и не в храме, не сопряжённый за литургией со столь разн - образным и много звучным партесом трубных, струнных, ударных и голосовых инструментов, созидающих столь явственно - дионисийское действо, оправдывающее себя нынче литургическими текстами. Скажем более, впечатлённые и восхищённые воспринятыми и пережитыми созвучиями: Высокая месса восприняла литургию, чтобы использовать её в собственных целях, отличных от служения Богу, пре-одолела литургию звучанием гармоний и совершенно перестала быть собственно Богослужением, служа звуку и гармоническому образу. Может ли это от-влечённое от Христа созвучие во—вратить меня - к Нему? Слишком окольные, слишком путаны и прекрасны пути этого воз-вращения, слишком мало говорят о цели на этом шествовании, услаждая и удовлетворяя... и пре-вознося над самую Целью.

Единомыслием - исповемы... и к чему столь разно-образные способы воздействия на наши сердца через пышные, много-звучные возглашения. К единомыслию ли, к единосердечию ли, к тому ли, чтобы горе имели сердца... к со-звучности, к симфоничности слушающих и звучащих... Пропеваем наш Символ со-обща, сопровождаемы пением из алтаря, включаемся в общее делание, общее звучание, общее соборное выгованивание из полноты сердец - усвоенных смыслов. Не так - за молчаливою в молитве мессой... не так за много-образным благозвучием, - не так. Молчим и восприемлем выпреннее звучание, теряем собственно слово, тонущее, растворяющееся и погибающее в звуке... Теряем слово... и звучит Benedictus, но не отзывается в нашем (в моём) сердце, ничем кроме моих же взволнованных чувствований – Господь ли дышит в них гласами этих труб, флейт, органа... Немолчат уста в нас, но пресыщается умягчается, изнеживается этим чувствованием, но не отзывчива сердечная глубина... и удовольствуется тем, удовольствуется сама собою и мессой, в которой вместо Первообраза - Бах. Хвала ему, великому мастеру, - но удалён он, несказанно удалён от служения Богу - ещё раз убедились в том, слёзно от безответности сердечной – убедились, увлекаясь этим удалением, прельщённые и обезволенные звуком. Свидетельствовать об этой удалённости, высказаться о ней самому себе, начистоту, можем лишь имея в опыте личного переживания – близость искреннюю, нелицемерную, в пределе – причащение Христа моего... и улаживание слышимым... Можем - свидетельствовать, лишь сопоставляя во взоре своём высоты разновеликие: православного образного проникновения, ведущего к сущностному восприятию Бога и области пережитой, впечатляющей гармонии звуков. И печально, неудовлетворимо наслаждаясь Высокою мессой Великим постом, внутренне - отпрянули от неё, ужаснувшись собственной безответности к произносимым возглашениям, к о-звученным молитвословиям. Речь тут совсем не о чуждости к литургии именно этой музыкальной среды, не о не применимости – именно этого мелоса к литургии. Повторимся: речь – о пути, ведущем ко Христу или не имеющем Его в виду своего целеполагания.

Высокая месса Великим постом... - сопоставимы ли эти образные пространства, высоты, увенчивающие их. Сопоставимо ли робкое, молитвенное единение нашего личного и соборного, очищающегося, проскребающегося от духовного небытия безобразия... и раз-общённость умягчаемых Бахом сердец, - воистину раз-общены они звуками и различием чувственных оттенков воспринимающих душевных струн. Целостен Иоганн Себастьян и сущностно - раз-делены восприемники его творений. Раз-делены и улажены в этом личном, не устыдимся этого слова, ласкательном, надменном и прелюбодейном удовлетворении... Нужен ли здесь Бог, алчет ли Его слышащий, помышляет ли о Нём. И вновь о том же: подразумевает ли Бога - Бах, творящий столь дивные, столь искусные, столь великолепные музыкальные хитросплетения. Тенета для наших чувствилищ, улавливающие наш духовный полёт, оплетающие наши крыла... и не управляющая ни-ку-да... Высокая месса - Великим постом.

Osanna - бытийствовала ли в гармонии мелоса – так ли проявился, озвучился образ радости небесной со всеми святыми, радости о Христе. Вновь отважусь высказать только личное: ликование звуков не со-звучно, не со-гласно, не со-образно... - мне. Сердце, взделываемое звуком, не пробуждалось от окаменения, бездыханное о Господе - не оживотворялось Осанною, не оживало от омертвелости. Вслед за православным "слава

в вышних Богу и на земли мир" (Osanna da capo) - отнюдь не рукоплескания, как финал всему музыкальному действию, - но следующий, преподанный за Богослужением «утрени» к уразумению и молитвенному со-участию возглас: «Господи, устне мои отверзеши и уста мои воз-вестят хвалу Твою». И текут далее хорошо известные и внятно узнаваемые псалмы «Шестопсалмия», пробуждаются во глубинах памяти и мысленно – произносятся вместе со чтущим. Произносятся их в полумраке погашенных свечений, в неразвлечённой ничем сосредоточенности сердечной - вспоминаем, воз-буждаем себя к памятованию о грядущем Страшном Суде, о личном отшествии из временной жизни, о судном предстоянии Христу. «Яко цвет сельный» - отцветет в нас жизнь, пройдет дух в нас «и не познаем места своего...» - так предстоим, восклицая свою хвалу ко Господу, вознося все-общую аллилуйя. Мы не рукоплещем исполнению, не рукоплещем и автору музыки, как не восклицаем благодарно псаломовцу Давиду... но отверзаем уста сердец – и безмолвно возглашают уста от сердечной наполненности. Мы активно во-влечены в общее литургическое действие. Никакого пассива, никакого самозамыкания в удовлетворённом чувственном предстоянии Богу, но - отворение уст, возглашающих хвалу. Отворение уст, поющих Бога. Отворение уст, исповедующих пред Ним молитву мытаря, моление разбойника одесную Распятого. Откровение уст, принимающих Христа. Таково отличие сущностное и слишком значительное. Молитвенные привычные возгласения "Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение" мессой – вновь «пре-воплощаются» в мистерию звуков, в не-во-образимое, не вмещаемое пространство гармонии, превышающей слово. Слово – вновь меркнет, исчерпывается этой гармонией, иссякает силой своих смыслов и убедительностью, немоществует в чувственных удовольствиях слышания, проникается изнеженностью звуков... подавляется слово, растворяется в звуке и обесславленным, порабощённым звуку, связанным и померкшим - привносится к нам. Музыкальная мистерия вокруг слова не приближает к смыслу, но кружит всё вокруг, да в отдалении, и занята совершенно иным – собственно звуком, но не с-смыслением, не в-разумлением от слова слышимого. «Вера от слышания» - говорил апостол... от такового ли, о-звученного слышания, пре-одолевшего само слово слышания – вера, уверение в не-видимом нами. Звуки от-влекают от осознания слов, замыкают в своей гармонической без-словесности, не обращают к осмыслению, осознанию, у-своению слова, не возвращают вочеловеченные образы Божьи друг ко другу, и ко Христу, не объединяют их в единении уст глаголющих ко Господу от едино-сердечной полноты.

И вновь... и вновь, как последний и самый верный ориентир и критерий наших раздумий – Сам Христос, Неведанный нами, Известный отчасти, Желанный и Неизменный нам... Последует ли за Высокою мессой – Христос во причащении Его, проникающий во все внутренние составы, во утробу, в сердце... Нужен ли Живой Бог воспринявшему эти звуки. Удовольствуется ли восприемник звуковой среды - этой средою, утолится ли от неё сполна. Не возжаждет ли большего. Не есть ли высшая точка воспринимаемой мессы - воспринимаемая гармония звуков, проявленная здесь, в этом апофеозе, в этом торжестве полифоничности - высшая точка цветения Баха, цветения его жизненных соков и творческих сил, высшая точка расцвета его творческого гения, за год до кончины жизненного земного пути - гармония Высокой мессы. Требуется ли самому Баху ещё что-то, кроме гармонии звуков, кроме совершенства мелоса и творческого упражнения в нём.

Следует ли, проявляется ли от нас, воспринявших эти звучания - земной поклон не мастеру Иоганну, но открывающимся Царским вратам... Обнаружим ли хоть бы отклик, ответ, хоть малую толика близости к тому, что проживает православный христианин за Великим входом, если помышляет о смыслах Херувимской песни, если проникается ею. Уже ли возможен слушатель мессы возмыслить о себе, как о тайнообразованном Херувиме, встречающем Христа своего, Херувиме, зрящем Христа воочию, осязающем, обоняющем Спасителя, содержащегося церковью... помыслить о себе, как о Херувиме, тайнозрящем Творца и впускающем Бога внутрь себя... Пусть, как о Херувиме, тайнослышащем Спасителя... Входит Царь Славы, входит не только входом, видимым нами, - входит вживую - в нас... Пред-положено ли подобное Бахом. Не заканчивается ли образность - звуком, растворяющемся вокруг нас, наполняющим нашу память неким звуковым "послевкусием", внутренним звучанием, долго затихающим и вибрирующим в нас по окончании слышимой музыки. Звучание - исчезая на великолепном форте, переходит в рукоплескание ударяющихся ладоней... в "шквал" или "бурю", или трепетный "бриз" аплодисментов и благодарных восклицаний, обращённых к исполнителю, присно поминаемому, уже ли во святых, - компонисту Иоганну.

Перед нами, вокруг нас и теперь внутри нас в концертном зале и вне его - оземление света небесного - звуком земным, торжествующим и велико-лепным. Прекраснодушная мистика звуков, гармония, не выходящая за пределы мира, не изводящая человека за пределы самого себя. Душевное сладострастие вместо духоводства образа, торжествующего и утверждённого о Господе - над душою. Воспринимаем Высокую мессу, это дивное и вне - литургичное, под видом литургии, произведение... как испытание литургии и меня самого в ней - красотой... как соблазнение избыточествующей пре-восходной, гордо пре-восходящей над литургиею - красотой... как образное изведение литургии в красоту... как изгнание Христа красотой... от-вращение человека от Спасителя к образу красоты, звучащей прельстительно, увлекательно, обворожительно и мистично вполне.

"Сие творите в Мое воспоминание" - говорит Христос, преподавая Чашу с Кровью Своею - вином и хлебом - Телом Своим. Так свидетельствует нам апостол. Одно ли только «воспоминание» - в этом творении? Сущностно проникает в нас Бог, усваивается нами и усваивает своих - так учит и так содержит в себе Бога моя Церковь, и так мы - знаем о сущностном вникании Христа в нас, восприемников Божьих. "Я пребуду с вами до скончания века" - говорит Спаситель - и пребывает с нами, вникая в нас... Сколь отлично это сущностное взаимное проникание Бога и человека от пассивного самоусладительного восприятия музыкальной гармонии, ограниченной самой собою. Повторяемся... повторяемся, выясняя и выявляя самого себя из Высокой мессы. Гармония - исчерпывающая полноту - Христа... и мы пассивно - воспринимаем её не вместе со Христом, но приемлем с нею только лишь весьма отдалённые воспоминания о Нём, слабые воспоминания, изрядно восполненные гармоническим усладением вместо единомысленного, единоустного из-несения, воз-ношения молитв... - восприятие разрозненной, много-частной звуковой гармонической музыки. Молитва угашена внешним пре-красным звуком и не исходит из полноты сердечной, иссякает, исчезает в сердечной глубине, не изливается осанною нашей веры, но только вос-приемлет внешнее - в некоем обрамлении Credo, пре-поднесённое нам с чужого голоса, усиленное

резонирующей гармонией. В гармонии множественно инструментованного звука, полифонично настроенного, выверенного про-образующего высокий творческий опыт мастера и чувственный, выхолощенный, вышколенный ум композитора... более, чем что-либо иное. Таковой шедевр, про-изведённый симфонической формой и под именованием мессы – вновь усомнимся в том - имеет ли он Перво-образом личного Бога и Спасителя - моего - Христа... Да не соблазнимся же на пути ложном и увлекательном, на пути торном – не к Нему...

Последует ли жажда о Господе за Высокою мессой, не иссякнет ли, не расточится ли в самом начале... в столь восторженном восприятии звуков... Не следует ли за этим сердечным разгорячением в мусикии - охлаждение к Самому Христу. Не следует ли за этим безконечная отъединённость, уединённость внутри своих чувствований, склонность, привыкание и навык в подобной подмене, в чувственной симуляции жизни духа. Торжествующая в мусикии душа – не пробудит, чувствуем и по себе - знаем так, - не пробудет уснувшего и усопшего ума. Впрочем, допустим иное... допустим, ибо неисследимы пути Господни к нашим сердцам. Но нынче во мне - не вострепётся дух, подавленный радостью душевных гармоний довлеющих чувств.

Вернёмся же к своему, к близкому, неложному и неизменному, - вернёмся к своей литургии, к своему Богослужению за Великим постом - и тако - встретим его завершение, милостию Господней – вступая в Пасху, встретим Самого Христа Воскресшего, входящего к нам, вникающего в нас, встретим - превыше и вне всяческих самых торжественных – внешних к Нему восклицаний самой высокой мессы. Восчувствуем удивительную и живо - трепещущую глубину звучащего образа – в молитвенной пред-Пасхальной тишине и настороженности всей природы, ожидающей... в пред-Пасхальной тишине внутреннего пространства храма... в протяжённой Богослужебной паузе, лишённой всяческой образности, при «выключенных» свечах церкви, в сосредоточенном все-общем призывании горячего желанного со-бытия – Воскресшего Христа – вот здесь, ныне, перед нами и в нас. В разверзнувшейся тишине – одна только жажда, многоликое со-средо-точное приветствие Воскресающего в нас, мертвенных, из нас – мертвых – Спасителя нашего Христа. Тишина и отсутствие видимого света так же являют собою – образ, но уже не из-образимого, образ таинственного со-бытия, угаённого от чувственного восприятия. Исходя в образ не изобразимого, исходя и проникая в тишину, в отсутствие света, человек чувственно и осязательно - исступает из времени в образ вне-временного, в области вне-образия... пребывает и удерживается на пороге, на грани между вечностью и настоящим, покидает настоящее, находясь на самой тонкой образной границе миров... на которой и должно встретить Христа воскрешающего... здесь и встречаем его, напутствуемые первенствующими ко встрече – образами именно звуковой среды, образами звукового пространства. Здесь, на грани мира видимого и мира невидимого, на грани экстатического исхождения в тишину – восприемлем голос, льющийся из затворенной алтарной части храма, как новый, долго-жданный – о-звученный образ. Объединительно, торжественно, чинно - наполняют эту тишину вне-образия мерные звучания колокольного зова... клича... вздоха... редкие и глубокие, они обволакивают церковное много-образие, собирают расточенное в нас... Со-единяющий гласный колокольный зов, - образный глагол красноречивый – открывается в не-во-образимой тишине и без-звучии умолкнувшей всякой твари... Сдержанные и притенённые образы

ангельских голосов – мужественно и едва слышимо – прольются к нам первым вестником о воскресшем Христе... и как желанно не расточить, воспринять, согреть, утаить тогда в своей сердцевине - эту весть, не утерев, не расплескав ни единого звука. Встретим Воскресение, про-ображаемое смиреннозвучием из затемнённого, затворённого алтаря... Встретим пред-ощущение и необъясняемое знание о воскресшем Христе - на соборном крестном шествовании, в личном воспевании пасхальной стихир, ощутим тёплое, проникновенное единение голосов ближних моих, со-шествующих общим путём пробуждающегося празднования... со-четаемся соборно молитвенным песнословящим дыханием, приникая к ангельскому небесному пению... Встретим Его, Восстающего – ныне, встретим, со-ответствуя победительному возгласу вос-ставшей и неизбывной, победительной пасхальной радости: Воистину – воскрес Бог мой!

Будем ли мы убедительны в этих суждениях и стараемся ли убедить кого-то, свидетельствовать кому-то, кроме самих себя. Человеку духовному и так, без по-яснений, - всё ясно... человеку образованному духовно всё это измышление - не более, чем "азы" начальной школы, за жизнь и бытие которых и саму жизнь отдать – достойно есть. Начальной школы... увы не пройденной нами и на склоне земных лет. Детское состояние расслабленной, немоществующей души, жаждущей удовольствия, наслаждения, утешения - и во грехе сущей. Жадно ищет – и обретает нищенствующая Христом душа отнюдь не пищу духовно возмужавшего сына Господнего... но - высокий контрапункт, обращённый к чувствилащам избалованным звучаниями, изнеженными в них, - к душе, к "чистому разуму" падшего человеческого естества, не ищущего своего спасения. Се – бедный и слабый человек – жаждущий гармонии вне Христа и вне личного предстояния перед Ним... Впитывая в себя великолепные звуки Высокой мессы, наполняясь ими, уже не пребываешь внутри много-образного православия, внутри намоленного веками веков образно - литургического пространства, внутри торного пути практического делания и следования за Христом, следования ко Христу. Рыдать о себе, неразумном, примеривающим и сопоставляющим несопоставимое, несоразмерное, несоизмеримое никак: Высокую мессу - Великим постом. Уже ли пережита хоть бы тень сомнения о самой возможности сопоставить пространство духа, торжествующего в пред-восхищении Пасхи... и тесноту души, томимой великолепием звуков...